

Белый бобер

Джеймс Уиллард Шульц

Джеймс Уиллард Шульц

Белый бобер

«Автор»

2023

Шульц Д.

Белый бобер / Д. Шульц — «Автор», 2023

Случайная находка старого каноэ на берегу озера стала началом для целого ряда приключений трех молодых людей - белого юноши, его друга-индейца и его сестры. Они смогли убить старого гризли-убийцу и выследить и добыть священное животное - белого бобра.

© Шульц Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава	5
Я приобретаю двух индейских матерей	6
Глава	13
Язык знаков	14
Глава	20
Большая охота на бизонов	21
Глава	29
Подводные Люди	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джеймс Уиллард Шульц Белый бобер

Глава

I

Я приобретаю двух индейских матерей

Каждая история из тех, что я когда-либо слышал, начиналась с введения; это, с вашего позволения, предуведомление о том, о чем будет эта история и кто что в ней делает. Мое введение будет по возможности кратким – будь это возможным, я бы вовсе от него отказался!

Я родился в Сент-Луисе, штат Миссури, 5 января 1845 года. Мой отец, Чарльз Стоунхэм Эллис, был одним из представителей старого Род-Айлендского семейства, а моя милая матушка до замужества с моим отцом носила имя Амели Мари де ла Рю, и была дочерью знатной креольской семьи из Нового Орлеана. Именно там мой отец ее и встретил. Они полюбили друг друга, и, поскольку ее родственники противились ее браку с янки и протестантом, им пришлось бежать, и, обвенчавшись, они перебрались в Сент-Луис, где мой отец стал содержателем гостиницы. Сам я никогда не встречался ни с кем из семьи моей мамы, как и из семьи отца.

Мы трое были очень счастливой семьей. Все у нас было хорошо. Мой отец вел успешную и постоянно растущую торговлю с торговцами и трапперами, которые каждую весну приезжали в Сент-Луис, чтобы избавиться от своих мехов. Моя мама очень любила наш маленький дом и делала все, чтобы нам в нем было уютно. Я рано пошел в школу и делал хорошие успехи в учебе. Увы! Когда мне было четырнадцать лет, моя мама слегла с лихорадкой и более от нее не оправилась. Мы с отцом горько оплакивали нашу потерю, и теперь я знаю, что он был на грани сумасшествия. Дела он забросил, и они начали приходить в упадок.

Часто он говорил мне:

– Я не могу больше тут жить! Я все продам! Мы уедем далеко, в новую страну!

Нашими близкими друзьями были Антуан Биссетт и Анри Надо, свободные трапперы. Следует сказать, что промышляли они только для себя, а не для Американской Мехоторговой компании, которая была монополистом в торговле и добыче мехов по всей Миссури и ее притокам до самых Скалистых гор. Антуан и Анри прибывали в Сент-Луис каждую вторую весну с плоскодонкой, груженной шкурами, добытыми за два охотничьих сезона, и всегда, будучи в городе, останавливались у нас. Они прибыли в очередной раз весной, последовавшей после смерти моей матушки, и, как настоящие друзья, погоревали с нами вместе о нашей потере. Мой отец сказал им, что они останавливаются у нас в последний раз, поскольку он уже готов расстаться со своей гостиницей и хочет уехать куда-то в другой город, где ничего не будет напоминать ему о годах счастья, покинувшего его навсегда.

– Раз так, Чарльз, – сказал Антуан, – если ты намерен так поступить, то можешь отправиться с нами. У тебя будет капитал; у нас тоже кое-что есть, так что мы станем партнерами в торговле с индейцами.

– Но мой сын Ричард – ведь он должен ходить в школу. Я не могу его оставить, – возразил отец.

– Он возьмет свои книги и отправится с нами. Он сможет изучать их без помощи учителя, а нам он будет полезен, – ответил Анри.

Отец повернулся ко мне:

– Обещаешь ли ты хорошо учиться, если я возьму тебя с собой? – спросил он.

– Да! Да! – воскликнул я. – Позволь мне только пойти с тобой, и я буду хорошо учиться.

Купи мне целый ящик книг, и я выучу их все наизусть.

Затем последовало долгое обсуждение всех подробностей, и еще до отхода ко сну все было решено. Мой отец продавал гостиницу и становился партнером наших друзей, а я шел с ними. Я был так возбужден открывшимися перспективами, что не мог уснуть. Ведь я увижу земли Дикого Запада, его индейцев, его животных – все это казалось слишком хорошо, чтобы быть правдой.

На следующий же день отец продал гостиницу за двенадцать тысяч долларов – часть получил наличными, остальное ему должны были выплатить в течение двух лет – и менее чем через месяц после этого мы покинули Сент-Луис на пароходе «Эмили», на котором находилось около десяти тонн принадлежащих нам товаров для торговли с индейцами. За нами следовало судно поменьше – «Шреверпорт». Оба они принадлежали капитану Джозефу Ла Баржу и его партнерам, и были первыми «судами оппозиции», направлявшимися в форт Бентон. Понятие «суда оппозиции» обозначало, что эти суда составляют конкуренцию Американской Мехоторговой компании, которая вплоть до этого времени имела монополию на навигацию на пароходах по Верхней Миссури. Одно из судов компании, «Парящий Орел», отплыл из Сент-Луиса за три дня до нас. Мы обогнали его недалеко от поселения арикара, и когда его капитан увидел, что мы готовы его обогнать, то попытался нас утопить, столкнувшись с нами борт в борт, и ему это едва не удалось. Мы с трудом уцелели. Он бы нас все же утопил, если бы капитан Ла Барж, Антуан, Анри и другие не навели ружья на него и его рулевого, грозя выстрелить, если он не стравит пар. Мы поплыли дальше, «Шреверпорт» следовал за нами, и больше мы не видели ни капитана, ни его парохода.

Представьте только, чем было для меня путешествие по Великому Западу протяженностью двадцать три сотни миль! Я видел множество индейских племен, тысячи и тысячи бизонов и других животных. Все мои представления об этой великой стране, мое стремление попасть туда становились реальностью. Без всякого сомнения, я был самым счастливым и самым взволнованным мальчиком во всем мире! Я хотел, чтобы это путешествие никогда не закончилось, но конец ему все же настал 17 июня 1862 года, на тридцать второй день после отправления из Сен-Луиса.

После полудня в тот день мы высадились на берег со всеми нашими товарами у форта Бентон, конечного пункта навигации, и прямо среди, как оказалось, лагеря примерно шести тысяч индейцев из племени черноногих. Немного ниже находился сам глинобитный форт, принадлежавший Американской Мехоторговой компании, а чуть ближе – три или четыре домика, глинобитных или из жердей, вывески на которых гласили, что это были салуны и гостиницы. Это было все, из чего в те времена состоял форт Бентон.

Мы вошли в один из отелей. Номера его располагались на открытом воздухе, постели – то, что привезли с собой путешественники. Меню на завтрак представляло бизонье мясо, бобы, кофе, хлеб и тушеные вяленые яблоки; на обед и на ужин то же самое. Стоила такая трапеза два доллара за раз.

Полки торгового зала Американской Мехоторговой компании были пусты, так что мы оказались тут вовремя со своими десятью тоннами товаров – порохом и пулями, табаком, ножами и одеялами, и всякими безделушками, до которых индейцы были большими охотниками. Они столпились вокруг нас со своими бизоньими шкурами, брововыми шкурками, шкурами других животных, умоляя Антуана и Анри взять их в обмен на товары, которые так им были нужны. Оба они хорошо говорили на языке черноногих, поскольку прожили с входившим в их конфедерацию племенем пикуни много зим.

Поговорив немного с вождями, они повернулись к отцу, и Анри сказал ему:

– Чарльз, эти вожди пикуни и другие воины – наши настоящие друзья. Мы с Антуаном провели с ними много зим, вместе с ними путешествовали, охотились и ставили капканы, и даже сражались с их врагами. Теперь они просят нас торговать с ними, а потом пойти вместе с ними на юг. Давай так и сделаем. Если мы поторопимся, то сможем избавиться от наших товаров еще до вечера, и отправить полученные меха вниз по реке на «Шреверпорте», который до завтра не отправится. Ну, что ты на это скажешь?

– Будет так, как скажете вы двое, – ответил отец.

– Тогда начинаем торговлю прямо сейчас! – крикнул Антуан, и, схватив острый топор, стал сбивать крышку с ящика с нашими товарами.

Мы тоже принялись за работу, открывая ящики и выкладывая их содержимое прямо на землю, делая из ящиков ограждение для разложенных товаров. Антуан и Анри занялись торговлей, а мы с отцом помогали им, передавая нужные товары.

Никогда еще мы не работали так быстро; бизоньи шкуры и бобровые шкурки, волчьи и другие меха потоком шли внутрь нашего импровизированного круга из ящиков, и таким же потоком уходила за его пределы наша товар. Десять тонн товаров – это много, но к закату мы продали все, что привезли, оставив себе только хороший запас пороха и пуль, несколько капканов для бобров и много табака. И сколько же мехов мы получили! У нас не было времени упаковывать их для погрузки на судно. Пока экипаж судна переносил все это на борт, мой отец и корабельный служащий и считали, и, когда последняя шкура была погружена, мы посчитали, что за наши товары, которые обошлись нам в девять тысяч долларов, включая стоимость перевозки в пятнадцать центов за фунт, мы получили, по самой скромной оценке, шкур и мехов на тридцать тысяч долларов!

Капитан Ла Бурж согласился нести за них ответственность и продать за лучшую цену, которую сможет получить, а его слово, как было известно всем, стоило больше любой расписки. Он планировал еще дважды за наступающее лето приплыть в форт Бентон, и было решено, что мой отец отправится в Сент-Луис с нашей зимней добычей на первом судне, которое отправится вниз по реке, и вернется с большим запасом товаров для торговли. Отправления судна я не видел. Я спал, когда оно отчалило при первом свете нового дня.

Затем у нас было несколько дней безделья. На четвертый день прибыл «Парящий Орел», и индейцы потянулись в форт, чтобы купить товары, которые он привез. Даже теперь они не получили и половины того, что хотели – это касалось ружей, пороха и пуль, как и других вещей, и они остались ждать, когда их привезет второй пароход компании, «Йеллоустоун».

Во время этого вынужденного ожидания Антуан и Анри купили у индейцев верховую лошадь для моего отца, и для меня одну. Седла, уздечки и шпоры мы привезли с собой, и я почувствовал себя счастливым мальчиком, когда моя веселая маленькая лошадка была оседлана, и я сел в седло и вместе с отцом, Анри и Антуаном мы отправились к реке Тетон, где сейчас стояла лагерем большая часть племени.

Вниз и вверх по берегам реки, насколько мог видеть глаз, были разбросаны сделанные из бизоньей кожи вигвамы пикуни. Мы остановились на одном из склонов, чтобы посмотреть на них, и я услышал, как Анри сказал Антуану:

– Вот он, вигвам Безумного Пера. Наш вигвам должен быть в лесу прямо за ним.

Я посмотрел в ту сторону, куда указывал Анри, и увидел большой вигвам, на котором были нарисованы черной краской два бизона в натуральную величину, а над ними покрытие вигвама опоясывали четыре широкие полосы – черная, красная, желтая и синяя. Мы спустились по склону и миновали его – перед ним играли и работали женщины и дети, и прямо за ним подошли к почти такому же большому, но без рисунков вигваму, который стоял в тени высокого развесистого хлопкового дерева.

Когда мы остановились перед ними и спешили, две молодые и очень красивые женщины выбежали из кустов за ним, и она из них обняла и поцеловала Анри, а другая Антуана, пока мы с отцом смотрели на это с открытыми ртами.

– Небольшой сюрприз для тебя и Ричарда, – сказал Анри, повернувшись к нам – его правая рука продолжала обнимать талию женщины. – Это, друзья мои, Питаки, или, как бы мы сказали, Женщина-Орел. Моя женщина, друзья мои.

– А это моя малютка, Китокиаки, Женщина-Рябчик. Я представлю вас ей, – произнес Антуан и что-то сказал женщине на языке черноногих.

Тогда обе женщины робко приблизились к моему отцу и обменялись с ним рукопожатием, приветствуя его таким образом. Мне показалось, что он их немного напугал, потому что он не улыбался, когда произнес по-французски:

– Бонжур, мадам Бизетт. Бонжур, мадам Надо.

Они поспешили от него ко мне, поцеловали меня и сказали что-то, что звучало очень приятно, на своем мягком языке черноногих.

Ну, я тоже их поцеловал, как и они меня, потому что сердце мое устремилось к ним с того самого момента, как я увидел их, выходящих из кустов; и, когда я это делал, то заметил, что мой отец смотрит на меня так, словно ему это не нравится.

– Они сказали тебе, Ричард, – объяснил Анри, – «Добро пожаловать, не имеющий матери! Мы станем для тебя матерями!»

– Ха! – воскликнул отец, хлопнул ладонью по глазам и отвернулся, глубоко пораженный услышанным.

Я со своей стороны был очень доволен тем, как меня встретили. Я решил, что они достаточно молоды для того, чтобы быть моими сестрами; они были ненамного старше меня. Но, раз уж они захотели стать мне матерями, я был этому рад, и так и сказал; Антуан перевел им мой ответ. Тогда они подошли ко мне с двух сторон и сопроводили меня в большой вигвам; мужчины следовали за нами.

Когда я вошел внутрь через закрытый пологом узкий входной проем, то удивился, как удобно и уютно все там было, с каким вкусом и как красиво был он обставлен. Он был примерно двадцать футов в диаметре. Его подкладка, или внутренний слой, сделанный из прекрасно выделанной мягкой оленьей кожи, поднималась на высоту шести футов и была украшена замечательными варварскими узорами и геометрическими фигурами разных цветов. В его задней части – имеется в виду напротив входа – стояли две широкие лежанки, покрытые бизоньими шкурами и чистыми белыми одеялами, и в изголовье и изножье каждой были опирающиеся на деревянные треноги перегородки из ивовых прутьев одного размера, обтянутых кожей. Такая же лежанка стояла справа и слева, а в центре был обложенный камнями очаг. По обеим сторонам вигвама, между входом и лежанками, лежало множество парфлешей – сделанных из сыромятной кожи больших сумок в форме конвертов, также богато украшенных геометрическими фигурами разных цветов. В них хранилось имущество обитателей, запасы еды и разные предметы домашнего обихода.

Когда мы вошли в вигвам, мои новоявленные «матери» подвели меня к лежанке справа от очага и усадили на нее, сказав несколько слов. Анри перевел:

– Они говорят, что это твоя лежанка, – объяснил он, – и они надеются, что ты, когда будешь спать на ней, увидишь хорошие сны.

– А эта, Чарльз, что слева, – продолжил он, обращаясь к моему отцу, – твоя лежанка.

Он прошел и сел на лежанку, что была рядом с моей, и Женщина-Орел подбежала и уселась рядом с ним, а Антуан и Женщина-Рябчик сели на другую.

– Ну, Чарльз, ну, Ричард, – сказал Антуан, – что вы об этом думаете; не правда ли, он очень уютный, этот наш маленький дом в прерии?

Мы оба с этим согласились, и он продолжил объяснять нам, что и при морозе намного ниже нуля мы обнаружим, что это жилище очень удобное. Он сказал, что подкладка прижимается к земле парфлешами, лежанками и другими вещами, и что пространство между ней и внешним покрытием – в толщину вигвамного шеста – позволяет холодному воздуху проходить над нашими головами, и одновременно создает тягу, заставляющую дым от костра подниматься прямо вверх и выходить из отверстия сверху; и это отверстие прикрыто двумя большими клапанами, или ушами, которые можно поворачивать в зависимости от того, куда дует ветер. Таким образом, это не позволяет дыму попадать обратно в вигвам.

Тем временем женщины подошли к своим парфлешам, лежащим у входа, открыли несколько из них и скоро поставили перед нами несколько небольших блюд с едой, которая была непривычна с виду, но издавала приятный запах. Это были полоски тонко нарезанного вяленого мяса, полоски высушенного сала со спины бизона, белоснежные и сладкие, которые

для обитателей равнин были тем же, чем для нас масло. Но лучше всего были поданные нам куски пемикана – тонко измельченное вяленое мясо, смешанное с нутряным жиром и слегка сдобренное мятой. Все мы воздали должной нашему обеду. Я думаю, что никогда не ел ничего такого, что понравилось бы мне больше; возможно, это было следствием романтической обстановки.

– Как долго вы живете с этими женами? – спросил отец наших друзей.

– Четыре года, – ответил Анри. – Четыре счастливых года. Они любят нас всей душой, и мы их тоже. У них такие добрые сердца! А уж хозяйки они выше всяких похвал. Вы сами увидите, как они заботятся о нас и нашем скромном имуществе. А теперь, когда появились вы с Ричардом, они так же будут заботиться и о вас.

Отец посмотрел на них, на их простые платья из синей материи, с низким вырезом, короткими рукавами и короткими подолами, подпоясанными на талии, и заметил:

– Ну тогда я не понимаю, почему бы вам не одеть их получше! Почему бы вам не одеть их в хорошие платья, как принято у белых женщин? И почему бы не купить им обувь и шляпы?

– Чарли, да ты как ребенок! – улыбнулся Антуан. – Что? Одеть их в ситец, чтобы они порвали его о колючки при первом же выходе за дровами для очага? Затянуть их в корсеты и упрятать в башмаки их прекрасные маленькие ножки? Нет-нет, друг мой. И шляпки! Ха! да они просто тучелами будут смотреться, если надеть эти сооружения с ленточками на их гладко причесанные волосы, которые заплетены в косы, спускающиеся ниже колен!

– Может, ты и прав, – сказал отец.

– У нас есть определенная договоренность с нашим тестем, Безумным Пером, – вмешался Анри. – Он великий шаман, и вождь Одиноких Едоков – сообщества, или клана пикуни. Когда нас нет, одна из его женщин – наша теща – и ее сын, живут в этом вигваме и помогают им при переездах и во всех других случаях. Мы никогда за них не волнуемся; даже во время долгих поездок в Сент-Луис и обратно мы уверены в том, что они в полной безопасности и мяса у них в достатке.

– Но где вы берете достаточно лошадей для того, чтобы перевозить такой большой вигвам и все это? – хотел узнать отец.

– Ха! Лошади! – рассмеялся Анри. – Уж можешь поверить! Наши женщины владеют табунов в восемьдесят голов, и я не знаю, каким был приплод этой весной. У нас самих есть полдюжины лошадей, все быстрые охотничьи скакуны, как ты сам скоро увидишь.

Едва Анри закончил говорить, как в вигвам вошел юноша примерно моего возраста; очень приятный с виду молодой человек, одетый в рубашку и леггинсы из прекрасно выделанной оленьей кожи, обутый в красиво расшитые мокасины на маленьких изящных ступнях. Я подумал, что это действительно примечательно – какие маленькие и изящные у индейцев ступни и кисти рук. Войдя, юноша на мгновение остановился, улыбаясь и переводя взгляд то на одного, то на другого из нас, и Анри что-то ему сказал, а Антуан одновременно сказал мне:

– Ричард, встань и поприветствуй того, кто может стать твоим другом, нашего шурина, Кутаумакана, или, по-нашему, Не Бегуна.

Я встал, когда юноша подошел ко мне, ожидая, что мы пожмем руки, но, к моему великому удивлению, он обнял и поцеловал меня, и меня это так смутило, что я снова сел на лежанку, а юноша сел со мной рядом и сказал-что-то Анри.

– Он приветствовал тебя по старинному обычаю, – сказал мне Анри. – Он говорит, что рад тому, что ты пришел, чтобы жить с нами, и уверен, что вы с ним станете большими друзьями.

– Такакх (друг), – добавил Анри, – для черноногих значит много больше, чем для англичан и французов. Когда мужчина-черноногий говорит, что он с кем-то друг, это значит, что каждый из них пожертвует для другого всем, даже жизнью. Друзья-черноногие неразлучны: в лагере, на охоте, во время путешествий и на тропе войны, там, где будет один из них, обяза-

тельно будет и другой. Я рад, что Не Бегун сделал знак, который объявляет тебя его другом. Мы его знаем; юноши более храброго и честного никогда не было, и ты скоро узнаешь, что приобрел сегодня настоящего друга!

Как вы увидите до окончания этой повести, Анри оказался прав. Никогда у меня не было более верного друга, чем Не Бегун.

Юноша снова обратился ко мне, Анри переводил:

– У меня есть две лошади, сильные и быстрые скакуны для охоты на бизонов. Одну из них, черную, я отдаю тебе. Еще я отдаю тебе сильного, спокойного, упитанного гнедого из моего табуна. Он вправду очень спокойный; он будет стоять и ждать тебя, где бы ты его не оставил, и не испугается никакого животного, даже медведя.

Такая щедрость ошеломила меня. Я не знал, что сказать. Я был в полной растерянности. Анри пришел мне на помощь.

– Скажи ему, что ты очень рад с ним познакомиться, что с этого дня вы с ним друзья, и что ты очень рад получить от него лошадей, – сказал он, и так и сделал.

– Мне это очень нравится, – сказал мой отец. – Мы должны подарить ему что-то взамен. Друзья, что Ричард может ему подарить?

– У него нет ружья, – сказал Анри.

– Он хочет иметь его больше всего иного, – сказал Антуан.

– Пусть это будет ружье! – сказал мой отец, – и к нему много пороха, пуль и капсюлей. Ричард отдаст ему мое запасное ружье!

– Мы должны вернуться к реке. Мы возьмем с собой Не Бегуна, и Ричард сможет вручить ему оружие, – сказал Антуан, и скоро мы были уже в пути.

Было приятно видеть радость Не Бегуна, когда я вручил ему ружье. Он гладил и ласкал его, как женщина своего первенца; а потом, когда я добавил к подарку жестянку с порохом, мешочек с пулями и пять коробочек капсюлей, он сложил все в кучку и снова обнял меня, но ничего не сказал. Он был слишком счастлив, чтобы говорить.

На следующий день пикуни сняли лагерь и отправились на юг. Было примерно десять часов, когда голова кавалькады длиной в несколько миль – всадников, вьючных и запряженных в траву лошадей и табунов свободных лошадей спустилась в долину и начала переправляться через реку вброд, и только после полудня хвост ее был на другом берегу. Мы заранее упаковали свое имущество – постели, оружие, капканы, табак и личные вещи в тюки, которые можно было погрузить на вьючных лошадей, и оседлали верховых; но прошло уже много времени после начала переправы, когда Женщина-Орел, Женщина-Рябчик и Не Бегун привели к нам лошадей – вьючных и траву – которые должны были везти наши вещи. Женщины спешили и начали укладывать поклажу на траву, и отец подбежал, чтобы помочь им.

– Нет, Чарльз, ты не должен этого делать, – сказал Антуан, положив руку ему на плечо. – То, что они делают – женская работа, и мы не должны ее касаться. Сделать так – значит навлечь на себя стыд, и мужчины станут презирать нас, если увидят, что мы им помогаем. Как мужчины любят свою работу – охотиться, приносить в вигвам мясо, пасти своих лошадей, так и женщины любят свою, и не терпят никакого в нее вмешательства.

– Мне кажется, что женщины делают всю работу, – сказал отец.

– Всю работу по лагерю, да, – ответил Антуан. – Они следят за вигвамами, приносят воду и дрова, готовят пищу, выделывают шкуры для своей семьи и следят за детьми. Ну и что с того? Во всем племени нет женщины, которая за неделю делает так много и с таким трудом, сколько жена любого фермера делает за день!

Антуан был прав. По сравнению с белыми женщинами, у которых не было прислуги, индейские женщины в эпоху бизонов вели просто замечательную жизнь!

Так вот, пока женщины укладывали наши пожитки на лошадей, мы все сели в седла и пересекли брод по следу длинной кавалькады, которая теперь, словно огромная змея, выползла

из узкой долины и поднялась на обширную равнину. Я ехал вместе с Анри и моим новым другом, Не Бегуном, помогая им управляться с табуном, принадлежавшим большей частью Безумному Перу и членам его семьи, и среди этих лошадей Не Бегун показал мне быстрого охотничьего скакуна и откормленную спокойную лошадь, которых он подарил мне. Сердце мое пело от переполнявшего его счастья!

Глава

II

Язык знаков

Около пяти часов пополудни того же дня мы добрались до края равнины, ниже которой была красивая, поросшая лесом долина реки Шонкин – небольшой реки, впадавшей в Миссури прямо за фортом Бентон, и Антуан предложил нам остановиться и спешиться, чтобы посмотреть, как люди ставят лагерь. Насколько мог видеть глаз вверх и вниз по извилистой долине, она была заполнена роящейся массой людей, лошадей и собак, которые суетились, похоже, в полном беспорядке. Но Анри объяснил, что, никакого беспорядка не было; что каждое сообщество или клан имеют свое определенное место в лагерном круге, и что каждая семья ведет своих лошадей, вьючных и травуа, чтобы разгрузить их в определенном месте, где им предстоит поставить свой вигвам.

В невероятно короткое время мы увидели, как тысячи лошадей были разгружены и отпущены, и каждый клан или сообщество собрали их и повели сперва к реке напиться, а потом пастись на склонах долины. Несколько минут спустя вигвамы, словно по волшебству, поднялись, их белые покрытия как будто светились на фоне темного леса и кустов долины, и над ними в спокойный вечерний воздух стали подниматься дымки; тогда мы вновь сели на лошадей и направились к ним. Скоро мы приблизились к вигваму Безумного Пера, вигваму магии бизона, а затем к нашему, стоявшему прямо за ним. Мы спешились и расседлали лошадей, и Не Бегун присоединил их к своему табуна. Мы вошли в наше маленькое жилище и обнаружили, что там уже все готово для нас – наши лежанки застелены, наши вещи разложены вдоль стен, а женщины готовят нам ужин.

Но поесть здесь нам не удалось.

– Слушайте! – сказал Антуан, и где-то рядом послышался мужской голос – ясный, глубокий и приятный.

– Это Безумное Перо, он приглашает близких друзей попить у него, – объяснил Анри. – И да, как я думаю, он назвал меня и Антуана, и сказал нам привести, чтобы попить и покурить, наших белых друзей. Хорошо, мы пойдем к нему через несколько минут. Мы должны дать время уйти с нашего пути жене Безумного Пера, нашей теще.

– А чем она может помешать? – спросил мой отец.

– Ничем! Насколько мы знаем, это прекрасная, благородная женщина, – ответил Анри. – Мы никогда с ней не встречались. У черноногих есть правило – ни при каких обстоятельствах мужчина не должен встречаться со своей тещей. Наша часто посещает наш вигвам, когда нас там нет целый день, и, перед тем как вернуться в лагерь, мы должны быть уверены в том, что ее нет с нашими женщинами, прежде чем войти.

– Ха! какое замечательное правило! – засмеялся мой отец. – Я знаю многих мужчин в Сент-Луисе, которые бы охотно его придерживались.

Так вот, мы пошли в вигвам Безумного Пера, и, войдя, увидели в нем дюжину или больше собравшихся – все они, как я позже узнал, были вождями разных кланов пикуни, и в их числе был Большое Озеро, вождь клана Маленьких Накидок, и главный вождь племени. Это был высокий, стройный, приятный с виду мужчина около сорока лет от роду. Наш хозяин, Безумное Перо, тоже был высоким, но более мощного телосложения и более неторопливый в речах и поступках. Все мужчины были одеты в простую одежду из мягко выделанной кожи бизона, оленя или вапити, за исключением мокасин, которые были богато расшиты цветными иглами дикобраза. Позвольте здесь заметить, что индейцы почти никогда не носят свои красиво расшитые у украшенные наряды, отделанные мехом и скальпами, и головные уборы из орлиных перьев, одевая их только в торжественных случаях.

Когда мы вошли в вигвам, Безумное Перо и другие приветствовали нас восклицанием «Ок-ай! Ок-ай!» (это приветственное выражение), и подвинулись, освобождая место для Анри,

Антуана и моего отца между вождями, где я, будучи юношей, не имел права сидеть. Мой друг, Не Бегун, сел рядом с входом и предложил мне сесть рядом с ним. Я сел; вошла девушка, приветствовала меня «Ок-ай» и села слева от меня.

Она была на год или два младше меня, стройная и грациозная во всех движениях; и я подумал, что ее лицо с большими выразительными добрыми глазами с длинными ресницами было самым прекрасным из тех, что мне приходилось видеть.

Не Бегун позвал Анри и что-то ему сказал, и тот перевел мне:

– Не Бегун сказал тебе: это моя сестра, Какатотсиаки (Женщина-Звезда), и твоя почти-сестра. Я уверен, что ты будешь для нее хорошим почти-братом.

– Да, я им буду, – ответил я, и протянул девушке руку. Она, похоже, не поняла, что значит этот жест, и я взял ее руку и пожал ее; при этом все улыбнулись, приведя нас в смущение – девушка прикрыла лицо краем своей кожаной накидки, или тоги, на минуту или две, пока ее не позвали помочь женщинам подавать гостям угощение. Всем нам дали по хорошей порции пемикана и вяленой ирги, и, пока мы ели, Безумное Перо был занят изготовлением смеси из табака и *l'herbe*, поскольку за ужином следовала курительная церемония. У черноногих хозяин никогда не ест вместе с гостями – он следит за тем, чтобы у гостей все было в достатке и поддерживает беседу.

Во время пира Безумное Перо обратился к моему отцу, чтобы спросить о его планах, и он ответил (Анри переводил), что намерен охотиться и ставить капканы вместе с пикуни во время предстоящей зимы, а весной спуститься вниз по реке за новыми товарами, которые будет продавать по разумным ценам.

– Ты говоришь, что хочешь охотиться и ставить капканы вместе с нами. Ну, а если мы вдруг наткнемся на Ворон или Змей, или других врагов, которые поставят лагерь на нашей земле, что ты будешь делать? – спросил Большое Озеро.

– Я буду делать то же, что и вы. Если вы станете сражаться с ними, то увидите, что и я сражаюсь вместе с вами; если же вы от них побежите, то и я побегу так быстро, что даже вражеская стрела меня не догонит! – ответил мой отец.

Все улыбнулись такому ответу, и минуту или две спустя Большое Озеро совершенно спокойно сказал:

– Мужчина, который шутит и смеется, всегда храбр. Мы рады видеть тебя и твоего сына в нашем племени. Я дам тебе имя; ты будешь носить мое первое имя, имя, которое сопровождало меня в моих первых военных приключениях и моих подвигах: ты теперь Апамайтси¹!

– Ох-хо-хай! Хорошее имя! Приветствуем тебя, Апамайтси – закричали наперебой гости, хлопая в ладоши; так мой отец получил свое имя.

– Его сын тоже должен получить имя, – продолжил Большое Озеро. – Безумное Перо, я думаю, ты его дашь. Ты могучий шаман, и я думаю, что, если ты дашь ему имя, оно принесет ему счастье.

Анри перевел нам все сказанное, и теперь, пока Безумное Перо решал, какое имя мне дать, я пришел в такое возбуждение, и мне так не терпелось узнать это имя, что с трудом мог сдерживаться. Он долго думал. Я ерзал на своем месте.

Наконец он сказал:

– Всего четыре ночи назад – о, это же священное число! – я имел сильное видение. Я – моя тень – вышел из моего тела и путешествовал по широкой речной долине, и спустился в глубокую долину другой реки, где отдохнул в роще хлопковых деревьев. Я пошел дин в набег на врагов. Они застали меня врасплох, я расстрелял все свои стрелы и еле спасся, и это был четвертый день – о, священное число! – моего пути домой. Дичи вокруг меня было множество – бизонов, антилоп, оленей, вапити – но, не имея стрел, я не мог никого добыть, поэтому голо-

¹ Это имя означает Ласка-В-Связке; имеется в виду шкурка ласки в связке из многих таких шкурок (авт)

дал; и от голода я так ослабел, что дальше идти не мог. Тогда я начал молиться, обращаясь ко всем богам – тем, что на небе, и на земле, и в глубокой воде – помочь мне. Я молился, потом смотрел и слушал, не ответит ли мне кто. Ответа не было. Четыре раза молился я – о, священное число! – и тогда, когда завершил свою четвертую молитву, услышал над собой свист крыльев. Я посмотрел наверх и увидел большого ворона, летящего ко мне и несущего что-то в своем клюве, почти такое же большое, как и сама птица, и такое тяжелое, что большего этот путешествующий по воздуху на смог бы унести. И что, вы думаете, сделал этот ворон? Он направился прямо ко мне и сбросил мне свою ношу; она упала рядом со мной, и я протянул руку и взял ее: это был приличного размера кусок бизоньего мяса! И, бросив его, ворон крикнул мне: «Я пожалел тебя! Ешь и иди домой!»

– О священная птица! О щедрый ворон, – воскликнул я. – Где ты взял эту настоящую пищу? Кто из богов сказал тебе принести ее мне?

Я не получил ответа; даже когда я крикнул, обращаясь к нему, этот блестящий черный повернулся и полете туда, откуда прилетел, не посмотрев более на меня; все же я поклялся принести ему жертву. Я съел немного мяса и направился к дому с новыми силами. Каждый день я съедал небольшой кусок, я поддерживал свои силы и наконец добрался до своего вигвама. Друзья мои, я даю имя этому белому юноше, здесь, вместе с вами: теперь он Аксапасто!

Так получил я свое имя, Аксапасто (Щедрый Ворон). Мой отец и Анри с Антуаном улыбнулись, услышав все это, а остальные гости крикнули хором:

– Щедрый Ворон, получивший имя из магического сна, живи до глубокой старости!

О, как же счастлив я был, получив это имя! И такое важное! Я уже представлял себя великим охотником и воином племени! Потом я узнал, что шаманы часто дают мальчикам имена по животным или происшествиям, которых они видели в своих снах. Девочек называют тем же образом, имена им дают женщины – родственницы или подруги их отца или матери.

Теперь Безумное Перо наполнил большую чашечку трубки из полированного черного камня приготовленной им смесью, уплотнил ее, присоединил к ней длинный чубук из тростника и передал готовую трубку мужчине, сидевшему слева от него, чтобы тот ее зажег. Пока он это делал, Анри привлек внимание моего отца и мое к тому, как он это делал – чубук он держал обеими руками, тыльной стороной кистей вверх. Только шаман, сказал он, передают и принимают трубку таким образом – имитируя манеру медведя, который держит предмет обеими лапами. Те, кто шаманами не являются, берут и передают трубку одной рукой.

Гость зажег трубку и передал ее обратно Безумному Перу. Тот сделал длинную затяжку и, направив чубук на небо, выпустил дым в том же направлении, обратившись к Солнцу и всем остальным «Верхним людям» и прося их пожалеть нас. Затем он сделал еще одну затяжку и выпустил ее в сторону земли, направив туда же чубук, прося «Нашу мать» пожалеть нас. Потом он указал чубуком в четыре стороны света – север, юг, восток и запад, и потом трубка пошла из рук в руки, пока не дошла до мужчины, сидевшего слева на самом краю дуги в три четверти круга, который произнес короткую молитву, прежде чем затянуться. От него она стала переходить от одного к другому к крайнему справа мужчине из числа гостей, каждый из которых, как прежде, делал затяжку, пока трубка не была выкурена. Тогда Безумное Перо снова получил ее, очистил и дал ей остыть, прежде чем снова наполнить и отдать, чтобы ее зажгли.

Во время этого курения время шло в рассказах – один за другим гости рассказывали короткие истории о случившемся с ними во время военных походов или на охоте, или о том, что случалось с ними в лагере – порой эти истории были такими смешными, что слушатели смеялись до слез на глазах. Скоро я узнал, что индейцы любят хорошую шутку и любят посмеяться больше даже, чем из белые братья; кроме этого, они очень вежливы по отношению друг к другу, и у них почитается верхом неприличия перебивать говорящего или привлекать к себе внимание других, пока говорит кто-то еще. Даже во время жаркого спора каждый внимательно выслушает другого. Позвольте мне заметить здесь, что индейцы – во всяком случае, мой народ

– вовсе не похож на то, какими их представляют белые. Характеры разных индейцев такие же разные, как и у белых. Среди индейцев есть люди глупые и умные; веселые и угрюмые; правдивые и лжецы; благородные и низкие; храбрые и трусливые. В целом же, возвращаясь в дни бизонов, которые были для них эпохой изобилия, могу сказать, что черноногие были намного более моральным и счастливым народом, чем любое известное мне сообщество белых!

Так вот, гости Безумного Пера выкурили четыре трубки, и когда четвертая была докурена, он напоказ выбил из нее пепел, постучав о лежавшую перед ни дощечку и сказал:

– Кай! Итси-итси! Та-куо! (Вот! Она выкурена! Идите!)

И все мы покинули вигвам и оправались к себе.

Анри объяснил мне, что тот сказал, и добавил, что, приглашая нас к себе, хозяин звал нас пировать и выкурить четыре трубки. Он также объяснил, что количество трубок не было упомянуто – правом хозяина было выпроводить гостей из своего вигвама в любое время, просто выбив пепел из трубки и сказав, чтобы они уходили. Будь такой обычай у белых, каким благом он был бы для многих знакомых мне хозяев и хозяек!

Пока мы были в гостях, настала ночь, и мы шли к своему вигваму в темноте. Вверх и вниз по обширной свободной от леса долине вигвамы большого лагеря светились желтым светом из-за горевших в них маленьких костров. В наших ушах звучало множество звуков – со всех сторон слышны были смех, пение, стук барабанов, веселые детские разговоры и плач младенцев, крики пирующих, и громче всего был вой больших, похожих на волков собак лагеря, которым они отвечали на призывы своих диких сородичей. По всему лагерю было привязано множество лошадей – быстрые скакуны для охоты на бизонов и для сражений, чтобы врагам, вознамерившимся их украсть, было бы не так легко это сделать. Я был рад, что и мой черный скакун был в их числе.

Не Бегун сопровождал нас, поскольку было договорено, что с этого времени он будет жить с нами и делить со мной мою лежанку. Они принесли с собой все свои пожитки, и с какой же любовью смотрел он на свое ружье, когда ставил его, оперев на стойку у изголовья нашей лежанки. Я ничуть не был обеспокоен тем, как мы все спали – мужчины, женщины и дети; никакой приватности, как мне казалось, в этом освещенном очагом круге не было. Как оказалось, беспокоиться было не о чем; когда пришло время ложиться, я понял, глядя на других, что большие покрывала лежанок, сшитые из бизоньих шкур, вполне выполняли роль перегородок.

Анри посоветовал мне спать так, как это принято у индейцев, и я последовал его указаниям; я снял всю одежду и растянулся под одеялом. Не Бегун поступил так же, но лег головой в другую сторону на нашей широкой и длинной лежанке. Тела наши не соприкасались; даже случайными движениями один другого не беспокоил. Тело мое, свободное от всякой одежды, смогло полностью расслабиться; я спал лучше, чем когда-либо прежде за всю свою жизнь.

Казалось, прошел всего миг с тех пор, как я лег, когда я услышал, что Анри зовет меня по имени, и я, проснувшись, понял, что день уже настал.

– Теперь купаться, – сказал он мне. – Завернись в накидку и пойдем со мной.

Мы вышли наружу – Анри, Антуан, Не Бегун, мой отец и я, и направились к ручью, куда шли все мужчины и мальчики из лагеря, даже мальчики года или двух от роду на руках своих отцов. Мы сбросили накидки на землю, бросились в воду и быстро ополоснулись, а потом поторопились в вигвам и оделись, снова укрывшись покрывалами из шкур. Зимой и летом, а зимой часто используя пробитые во льду дыры, я купался каждое утро вместе со всеми мужчинами и мальчиками лагеря. Этот обычай не только позволяет поддерживать тело в чистоте; он закаляет тела так, что мы могли верхом путешествовать или охотиться, не испытывая особого неудобства даже в самые холодные зимние дни. Женщины купались во второй половине дня; летом в реке, а зимой чаще в потельных хижинах.

В полдень третьего дня после ухода от форта Бентон мы поставили лагерь на Желтой реке (Льюис и Кларк назвали ее рекой Джудит), и вожди через лагерных глашатаев объявили,

что там мы останемся на несколько дней. Позже в тот же день глашатай вновь обошел лагерь, чтобы известить всех, что отдельным людям охотиться запрещено, пока не произойдет большая загонная охота.

Антуан объяснил нам с отцом, что это правило направлено на благо всего племени; охотникам запрещено охотиться ради того, чтобы добыть нескольких нужных им бизонов и распугать большие стада, которые разбегутся по равнинам, после чего потребуется много времени и сил, чтобы добыть нужные большому лагерю запасы свежего мяса. Юношам было поручено следить за стадами, и нас должны были известить о том, когда назначен будет большой загон.

Прошло несколько дней, прежде чем пришло это известие, дней, которые для меня были полны интереса. Вместе с моим другом Не Бегуном мы посетили все вигвамы большого лагеря, где нас с радостью принимали, и в разное время мы с ним посетили большую часть тех, где жили юноши нашего возраста, и многие из моих новых друзей приходили ко мне. Я начал учить слова их языка, особенно существительные, но заметно больше преуспел в языке знаков – этом удивительном способе общения, с помощью которого могут общаться все племена бизонных равнин, от Старой Мексики на север до самого Большого Невольничьего озера. Язык знаков, несомненно, был придуман примитивной цивилизацией, которая построила удивительные доисторические города и сооружения в Мексике, или даже еще более южной части Центральной Америки – на Андском нагорье в Перу. Несомненно, для того, чтобы он распространился, должны были пройти века мирной жизни между племенами, обитающими далеко к северу. Все, что мы знаем – это то, что все северные племена равнин использовали его, когда их посетили первые белые исследователи этих мест, Александр МакКензи и сьер де ла Верендри. Я сам много общался на нем с навахо, апачами и другими племенами далеко на юге, чьи языки отличаются друг от друга и от языка черноногих так же, как английский от китайского. Его знаки так хорошо передают все нужные мысли, что, однажды их изучив, забыть его почти невозможно.

Например: когда белохвостый олень испугался и убегает, он поднимает свой хвост и машет им, словно перевернутым маятником ходиков; знаком для этого оленя является покачивание указательным пальцем правой руки, поднятым вверх, остальные пальцы сжаты. С другой стороны, чернохвостый олень, испуганный и убегаящий, покачивает своим хвостом, опустив его вниз, так что обозначающий его знак – указательный палец, направленный вниз, покачивающийся вправо-влево.

В таком же духе знаки, обозначающие всех животных, указывают на их самые характерные особенности внешности или поведения. Тут нужно привести несколько иллюстраций. Вот они.

Антилопа. Развести в стороны большой и указательный пальцы обеих рук, сжав остальные, приложить кисти рук к обеим сторонам головы, прямо над ушами, основаниями больших пальцев, указательные пальцы слегка согнуты. Значение: похожие на вилку рога животного.

Вапити. Выпрямить и широко раздвинуть пальцы обеих рук и поднять их так, чтобы запястья коснулись головы прямо над ушами. Значение: развесистые рога животного.

Лось. То же самое, но пальцы вместе, не раздвинуты. Значение: широкие рога.

Медведь. Сжать оба кулака и поднять их так, чтобы коснуться висков большими пальцами. Значение: круглые широкие уши медведя.

Волк. Указательный и средний пальцы каждой руки (большой и остальные сжаты) прижать основанием больших пальцев к вискам над ушами. Значение: длинные острые уши животного. Этот знак означает также призыв быть внимательным и осторожным, иначе говоря «Будь умнее; будь осмотрительным».

Змея. Сжать все пальцы, кроме указательного, на правой руке, и водить рукой вправо-влево перед грудью, двигая при этом запястьем, имитируя движения рептилии.

Рыба. Пальцы правой руки сжать и вытянуть, тыльной стороной ладони вверх, пальцы смотрят влево, и рука движется влево, при этом имитируя движение рыбы. Это значит, что тело ее плоское, а не круглое, как у змеи, но и та и другая передвигаются одинаково.

Бобер. Какая самая характерная черта бобра? Конечно же, его широкий, плоский, похожий на лопасть весла хвост. Когда он встревожен, то громко хлопает хвостом по воде, предупреждая своих сородичей об опасности. Знак для бобра – несколько раз похлопать ладонью левой руки по тыльной стороне ладони правой.

Птица. Полусогнутые руки по бокам, и изобразить движение крыльев.

Орел. Сделать тот же знак, что для птицы, а потом пальцами левой руки два или три раза провести от локтя до кисти правой руки. Значение – полосатые крылья.

Сова. Поднести кисти рук ладонями вперед к голове по бокам, потом сделать знак для птицы. Значение – птица с большими ушами. Черноногие называют сову какан-окстоки (огромные уши).

Мужчина. Человека обозначают как существо с двумя ногами и прямым телом. Отдельно указательный и средний палец правой руки (остальные сжаты), указывают на землю; затем рука переворачивается и указательный палец указывает наверх.

Женщина. Кончики пальцев обеих рук соприкасаются над головой, а затем руки опускаются по бокам. Значение – разделенные волосы; волосы, заплетенные в две косы. Можно предположить, что такая прическа существовала с очень давних времен.

Старики. Старый мужчина или старая женщина обозначаются так: сперва делается знак, обозначающий мужчину или женщину, затем руки соединяют, большие пальцы вверх (это обозначает белый цвет), и двигают ими вперед-назад.

Возраст. Вначале делается знак, обозначающий зиму; потрясти сжатым кулаком перед грудью. Потом обозначить количество зим. Десять обозначается сжиманием и разжиманием кулаков обеих рук одновременно, а поднятые пальцы обозначают число меньше десяти.

Знаки, обозначающие глаголы, столь же выразительны, как знаки для одушевленных и неодушевленных предметов. Например:

Любовь. Поднести к груди сжатые кулаки и медленно развести руки в стороны.

Ненависть. Поднести к груди сжатый кулак правой руки, потом резко выпрямить руку и одновременно разжать кулак.

Но я уже достаточно рассказал о знаках, чтобы вы поняли, как они с их помощью выражают свои чувства. Я должен продолжить свой рассказ.

Однажды утром, вскоре после рассвета, глашатай вождя бежал лагерь, громко крича о том, что четыре больших стада бизонов пасутся рядом с лагерем, и что охота начнется немедленно. Он назвал и кланы, из которых должны были состоять четыре группы охотников, и мы, принадлежащие к Одиноким Едокам, узнали, что нам предстоит присоединиться к Маленьким Накидкам, Жарящим Спинной Жир и Черным Входным Пологам, и что нас поведет сам Большой Озеро.

Ха! Как же все кинулись за лошадьми, услышав объявление глашатая!

Глава

III

Большая охота на бизонов

Все быстрые скакуны для охоты на бизонов были привязаны в лагере, и на рассвете, как обычно, молодые табунщики погнали свои табуны с равнины вниз в долину. Теперь, пока охотники торопливо седлали своих любимых скакунов, женщины собирали спокойных верховых лошадей, вьючных и для травуа², чтобы последовать за охотниками и помочь освежевать туши и привезти в лагерь мясо и шкуры.

Я как-то видел картину одного известного художника, который изобразил индейца, гонящегося за бизоном, одетого в полный военный наряд, в том числе разрисованную и украшенную полосками меха и скальпов рубашку и развивающийся военный головной убор из орлиных хвостовых перьев. Увы тебе, правда! Почему он не изобразил это так, как это описано в этих печатных словах? Никогда индейцы так не одеваются, отправляясь охотиться на бизонов; их красивые военные наряды надеваются только в торжественных случаях – военных танцах, религиозных танцах, заключении мирного договора и, если позволяло время, при столкновениях с врагами.

Пока я смотрел на все приготовления к этой охоте, моей первой охоте на бизонов, то заметил, что, хотя некоторые охотники одеты в леггинсы и рубахи, на многих из них только набедренные повязки и мокасины, и ни на ком нет кожаной или меховой накидки. Более того, все они были на неоседланных лошадях, а в качестве уздечки использовали веревку, сплетенную из сыромятной кожи или волос, обвязанную вокруг нижней челюсти лошади. Анри предупредил моего отца и меня отказаться от седла, потому что, если лошадь упадет с нами вместе, можно получить серьезную травму от луки седла.

Мы оба возразили, что недостаточно опытни, чтобы ездить на неоседланной лошади, на что он ответил:

– Ну так и стоит вам участвовать в охоте! Вам вполне хватит развлечения, если вы просто на нее посмотрите.

В первый раз я оседлал моего черного охотничьего скакуна, подарок Не Бегуна. Я обнаружил, что характер у него спокойный и добрый. Он был послушен и легко дал себя взнуздать. Вместе с Анри, Антуаном и Не Бегуном я присоединился к охотникам, собравшимся перед вигвамом Большого Озера, и вскоре тот вышел, оседлал сильную серую лошадь и вместе с одним из молодых разведчиков, обнаруживших стада, повел нас вниз по долине. Три других отряда, ведомые другими разведчиками, направились к тем стадам, которые предназначались для них. Едва мы оставили лагерь, как моя почти-сестра, Какатотсиаки, присоединилась к нам на большой гнедой лошади. Не Бегун начал ее ругать, но она только улыбнулась ему, не забывая управлять своей нетерпеливо фыркающей, с горящими глазами лошадей. Антуан пересказал мне, о чем они говорили.

– Почему ты здесь? – спросил Не Бегун. – Твое место сзади, вместе с женщинами!

– Я пойду к ним, когда придет время работать над вашей добычей. Можешь не бояться, что я не сделаю того, что положено! – ответила она.

– Ты не должна попусту тратить силы гнедой охотничьей лошади нашего отца! – сказал ей Не Бегун.

– Отец сказал, что я могу взять его и поехать с вами. Брат, разве ты не хочешь, чтобы твоя сестра немного развлекалась? Подумай только, как много я для тебя делаю; я шью и чищу твои мокасины, готовлю тебе пищу! Ты должен быть рад, что я воспользовалась случаем проехаться на быстрой лошади и последовать за тобой во время охоты.

² Распространенная у индейцев равнин конная волокуша (перев)

– Я и радуюсь! Забудь о том, что я возражал! Мне стыдно, что я тебе это говорил! – ответил Не Бегун, и оба радостно улыбнулись.

Наш отряд насчитывал примерно две сотни человек. Я сразу заметил, что все они были вооружены луками со стрелами, а не ружьями, которые, как я знал, у них были, и спросил об этом Антуана.

– По очень простой причине, – ответил он. – Три или четыре стрелы можно выпустить за то время, которое требуется, чтобы зарядить ружье и надеть капсюль, а на близком расстоянии стрела столь же смертоносна, как пуля. К тому же пули и порох обходятся этим людям недешево, и они стараются их сберечь; у каждого должен быть хороший их запас на случай встречи с врагом.

– А кто их враг? – спросил мой отец.

– Кто их *враги*? – улыбнулся Антуан. – Вороны, сиу, асинибойны, кри, и некоторые племена, живущие по ту сторону гор. Весьма вероятно, что мы в свое время встретимся с одним из их военных отрядов!

Слова нашего друга заставили меня призадуматься. Я задумался – что мне делать, если я встречу один из таких военных отрядов? Неприятный холодок пробежал по моей спине. Я стал отгонять эти мысли.

Мы двигались неспешной рысью вниз по долине на протяжении примерно трех миль, через красивые рощи хлопковых деревьев и по полянам, поросшим высокой травой, на которых тут и там попадались кусты шиповника и шалфея, и наконец приблизились к устью глубокого широкого оврага, входившего в долину с севера. Когда мы к нему приблизились, другие разведчики спустились навстречу нам с края равнины и недолго поговорили с нашими предводителями – Большим Озером, Безумным Пером и другими.

Мы были сзади и не слышали, о чем они говорили, но скоро все двинулись по мягкой земле извилистого ущелья, теперь уже не рысью, а шагом. Пройдя так полмили или больше, несколько раз останавливаясь, чтобы разведчики смогли осмотреть равнину, мы узнали, что сейчас находимся рядом со стадом. Продолжая путь, мы поднимались выше и выше к уровню равнины, и во время последней остановки уже почти могли ее видеть. В этот раз, когда вернулись разведчики, вниз по линии передали по цепочке, что мы находимся у самого края стада, и что должны быть готовы напасть на него. Мы развернули своих лошадей к восточному склону оврага, все охотники достали из висевших за спиной колчанов луки и по несколько стрел и, когда Большой Озеро махнул высоко поднятым луком, рванулись вперед.

Когда мы преодолели небольшой подъем, моим глазам открылось то, что я посчитал самым величественным зрелищем из всего ранее виденного – стадо примерно в две тысячи бизонов, расположившееся на волнистой равнине; некоторые из них лежали, другие паслись, некоторые, похоже, спали стоя; часть животных оказалась так близко, что я мог видеть их глубоко сидящие глаза, поблескивавшие сквозь волнистую шерсть на голове. Мы оказались среди них прежде, чем они опомнились от растерянности и с удивительной быстротой пустились бежать на восток, собравшись при этом в компактную массу. Их копыта стучали по земле, издавая звук, похожий на гром, и поднимали долго не оседающее облако мягкой, белесой пыли. В воздухе стоял сильный запах шалфея и шиповника, кусты которых они раздавили по пути.

Антуан и Анри предупредили нас с отцом, чтобы мы держались подальше от охотников – просто с некоторого расстояния смотрели на то, как они убивают свою добычу. Хотя я и намеревался так поступить, но выполнит этого указания не смог: как только моя отлично обученная лошадь увидела бизонов, остановить ее для меня было не проще, чем остановить одного из бегущих передо мной бизонов, схватив его за хвост. «Бизоньи скакуны» любили погоню не меньше самих охотников, сидящих на их спинах. Всадник должен был только направить лошадь к понравившемуся ему животному, и теперь она напрягала все силы, чтобы оказаться рядом с ним.

Когда я оказался в гуще погони, то увидел развернувшийся отряд наших охотников, которые гнались за своей добычей; их заплетенные в косы волосы развевались на ветру, глаза горели от возбуждения, на их возбужденных лицах застыло выражение мрачного удовлетворения, когда они вгоняли стрелу за стрелой в жизненно важные места коров. Стрелы направлялись в место прямо за ребрами, и проникали прямо в сердце и легкие. Другим местом для смертельного выстрела были почки. В этом случае стрела пронзала позвоночник бизона, и животное сразу падало – иногда с такой силой, что переворачивалось через голову, прежде чем удариться об землю.

Не Бегун, который был прямо передо мной, был тем, за кем я решил следовать; он прокладывал мне путь в густой массе стада – животные расходились вправо и влево от нас, пока мы скакали, и смыкались за нами, пытаясь избежать встречи с теми из нашего отряда, у кого лошади были не такими быстрыми. В этом и был главный риск такой охоты: если лошадь упадет и сбросит всадника, он наверняка будет растоптан массой бегущих за ним животных. Такая судьба ждала не только всадника, но и его лошадь, если только ей не удавалось немедленно подняться и продолжить бег. Даже и в этом случае было более чем вероятно, что она могла стать жертвой острых рогов бизонов, потому что лошадь без всадника они не боялись.

Глядя на моих друзей, пускающих стрелы в коров, я так увлекся этим представлением, что сам забыл, для чего я здесь, пока моя лошадь не вытянула голову и не укусила за горб молодую корову сбоку от меня, к которой сама и приблизилась. Тогда я взял ружье, навел его на ребра коровы и выстрелил, и тут же увидел, как кровь хлынула у нее из ноздрей и рта густой пузырящейся струей; таким был, как я позднее узнал, результат выстрела в легкие.

Ха! этот мой первый – и успешный – выстрел пробудил во мне жажду крови, когда я увидел, что животной начало спотыкаться, а потом упало.

– Я убил бизона! Убил бизона! – крикнул я, с трудом слыша собственный голос в грохоте, который выбивали из твердой сухой земли восемь тысяч копыт! Я отпустил уздечку и начал перезаряжать ружье, и уже по своей воле моя лошадь поднесла меня к боку другой коровы. Три раза я сыпал порцию пороха из пороховницы в ладонь и каждый раз терял его при попытке засыпать в дуло ружья. При четвертой попытке я смог все же засыпать порох в ствол, а потом – каким же я был глупцом – достал пулю и пыж из кармана куртки, потом короткий стартер из твердого дерева и забил пулю в ствол. Потом я воспользовался шомполом, чтобы опустить пулю до пороха. А вот что я должен был сделать – как делают это все охотники при погоне за бизонами: просто вслед за порохом закинуть в ствол пулю без пыжа, пару раз толкнуть ее шомполом, чтобы убедиться, что она на месте, а потом, держа ружье стволом вверх, надеть капсюль, и теперь можно было снова стрелять; следовало опустить ствол, прицелиться и быстро спустить курок, пока пуля не выкатилась из ствола.

Так вот, я достал шомпол и был готов вставить его в ствол, когда вдруг почувствовал, как что-то сильно прижало мою левую ногу, и увидел, что мы вместе с лошадью поднимаемся в воздух. Я посмотрел вниз, и вот те на! Большая корова, рядом с которой мы слишком близко оказались, спятила от страха и гнева, сунула свою голову под мою лошадь, прямо за передними ногами, и пыталась убраться со своего пути! Лошадь делала отчаянные попытки освободиться, перескочив через голову бизонихи, и ей это удалось бы, если бы один из ее рогов не застрял под подпругой седла. Это остановило ее так резко, что я упал на землю, и, пока я падал, подпруга лопнула, и седло отлетело и ударило меня по голове, едва не лишив чувств!

Я упал, растянувшись на животе. Дышал я с трудом, голова кружилась, но я все же смог найти в себе силы подняться на ноги и отыскать свое ружье. Я увидел, что моя лошадь вскочила и побежала, волоча уздечку, и почти моментально бизоны сомкнулись за ней, отрезав ее от меня. Я мог только отбиваться своим ружьем от потока животных, бегущих с обеих сторон от меня.

– Я пропал! Меня затопчут насмерть! – сказал я про себя.

Едва я об этом подумал, как услышал крик. Я повернулся и в облаке густой клубящейся пыли, висевшей в воздухе, увидел мою почти-сестру, которая прорывалась ко мне, изо всех сил подгоняя лошадь. Я рванулся к ней и схватился за кончик ее узды, и она оторвала меня от земли, так что теперь я был почти свободен. Если бы узда не была привязана к ее нижней челюсти, она бы осталась у меня; но так она смогла меня вытащить, хотя самой ей было очень больно. Лошадь вертелась, гарцевала, фыркала и дрожала, девушка взяла у меня мое ружье, и я смог с первой попытки сесть у нее за спиной, обхватив ее за талию левой рукой, и забрал у нее ружье.

Мы поскакали дальше. Я оглянулся назад и увидел позади нас огромную массу бизонов, и тут и там всадников, пускавших в них стрелы. Мы двигались, если так можно сказать, в маленьком движущемся оазисе в море пыльных, косматых, увенчанных острыми рогами голов и могучих горбов. Мы двигались все медленнее и медленнее, и бизоны за нашей спиной расходились вправо и влево от нас, чтобы не столкнуться с нами, поскольку они бежали быстрее. Мне казалось, что так прошли часы, хотя на деле с того мгновения, как я оказался за спиной девушки, не прошло и пяти минут. Я продолжал оставаться за спиной девушки, когда последние бизоны стада обогнали нас, и теперь мы были свободны. Наша лошадь охотно остановилась. Я сполз с нее, проковылял к ближайшей бизоньей туше и сел на нее. Женщина-Звезда спешила и тоже села рядом со мной.

Кровь струилась по моей щеке из раны, которую седло оставило у меня на виске; она сорвала несколько листьев с растущих в прерии трав, растерла их и наложила эту кашицу на рану. Мне сразу стало легче. Я встал и посмотрел на убегающее стадо. Несколько охотников, чьи лошади были более выносливыми, продолжали их преследовать. Я повернулся и посмотрел назад; по всему пройденному нам пути равнина была покрыта мертвыми и ранеными бизонами, которых было несколько сотен. Раненые – раны которых были слишком тяжелыми или болезненными, чтобы они могли уйти далеко, собирались в маленький группы, испытывая друг к другу некую симпатию в ожидании ожидавшей их суровой судьбы. Охотники, рассеявшиеся во время охоты, приближались к таким группам и прекращали их мучения выпущенными едва не в упор стрелами. До последнего большие быки – и даже коровы – пытались выпрямиться и напасть на всадников, или по крайней мере повернуться к ним головой. А потом, когда в них вонзалась последняя стрела, они стояли, истекая кровью, и только потом начинали пошатываться и наконец падали с ужасным стуком, потому что касались земли уже мертвыми. Умирающие бизоны, особенно крупные старые быки, представляли собой действительно величественное зрелище.

Отдельно от групп возвращающихся охотников мой отец, Анри и Антуан теперь приблизились к нам, а потом и Не Бегун, который вел мою лошадь, по груди которой все еще текла кровь из раны, нанесенной ей коровой. Когда мы с моей почти-сестрой объяснили на наших языках, что со мной было, мой отец пришел в сильное возбуждение, и когда наш рассказ закончился, он начал ругать меня и объявил, что никогда более не позволит мне участвовать в погоне за бизонами.

– Эй! Эй! Будь рассудительнее, – сказал ему Анри. – В том, что случилось, моя вина. Я должен был сказать юноше о том, как правильно перезаряжать ружье, и о том, что он не должен позволять лошади приближаться к бизонам.

– В любом случае это опасное занятие, эта погоня за бизонами, и я не желаю, чтобы мой сын еще раз принимал в ней участие, – сказал отец. – Сам я никогда в такой погоне участия не приму!

– Ха-ха! – засмеялся Антуан. – Именно это я сказал себе после первой погони. Но и вы поступите, как мы, как мы все. Мы все говорили, что больше в погоне участвовать не будем; что просто пойдем вместе с охотниками и посмотрим, как они преследуют бизонов. Но, как только

погоня начинается, мы оказываемся не в силах сопротивляться и следуем за остальными, и понимаем, что мы правильно поступаем, когда выбираем жирных коров и валим их, пока наши лошади в состоянии бежать!

– Может, вы и правы, – сказал отец после недолгого раздумья. – Должен признаться, я сам едва с ума не сходил от возбуждения во время этой погони! Я и не думал о том, насколько это опасно. И я убил трех бизонов! Неплохо для новичка, не так ли?

– Я убил одного! – воскликнул я, – и хочу пойти и освежевать его, как только найду седло и шомпол.

Седло искать не пришлось: один из охотников тут же его привез, и Анри починил его подругу. Я положил седло на лошадь Женщины-Звезды и мы вдвоем отправились на поиски шомпола, и скоро его нашли. Потом мы направились к моей добыче и освежевали ее. Я был самым счастливым юношей, когда вонзил свой нож в первого убитого мною бизона!

Женщины охотников теперь рассеялись вдоль линии, по которой проходила погоня, и как они начали болтать, смеяться и петь, пока свеживали и разделявали туши! Я удивлялся тому, как быстро они свеживали коров и нарезали их мясо на порции, которые можно было погрузить на траву или вьючных лошадей. Через три часа после окончания погони все мы отправились в лагерь и прибыли туда вскоре после полудня. Другие группы охотников тоже получили богатую добычу.

Едва мясо было доставлено к вигвамам, женщины начали резать его на тонкие ломти, чтобы высушить, развешивая их на ремнях и поднятых шестах для травуа, а иногда просто на соседних кустах, пока, как я издали увидел, весь большой лагерь не стал казаться красным в лучах заходящего солнца. И какими счастливыми были все! До глубокой ночи, пока я не ложился спать, и еще неизвестно, сколько времени после этого, слышались крики, которыми соседей звали на пир, на танцы или на игры. Сотни барабанов отбивали ритм для танцующих и поющих, и, чтобы не отставать от них, несколько тысяч находившихся в лагере собак затащили свою песню, которую подтянули волки и койоты, окружившие лагерь широким концом с наступлением ночи.

После большой охоты на бизонов вожди отменили запрет на охоту, и день за днем мы ездили, куда хотели – ставили капканы на бобров и выдр по берегам ручьев, стреляли оленей и вапити у подножия гор, и толсторогов на голых горных склонах, а иногда выезжали на равнину за антилопой или бизоном. Целью каждого охотника было обеспечить свой вигвам свежим мясом, поскольку большое количество вяленого мяса, добытого во время большой охоты, предназначалось на тот случай, если зимой настанут совсем плохие времена.

Мы оставались на Желтой реке месяц или больше, затем переехали и продолжали охотиться и ставить капканы поочередно на Это Их Сокрушило (теперь это ручей Армелла), в низовьях реку Устричных Раковин и ее притоках – ручьях Плоских Ив и Кленовом, и в конце осени пошли назад к форту Бентон, направляясь на Солнечную реку, где вожди решили зимовать.

За эти летние месяцы я стал хорошим наездником и охотником, и под руководством Анри и Антуана научился ставить капканы на бобров и выдр. Кроме того, я настолько преуспел в изучении языка черноногих, что мой прогресс шел очень быстро. Не Бегун и я были неразлучными товарищами, и моя почти-сестра, Женщина-Звезда, ездила с нами охотиться и ставить капканы, с одобрения ее отца. Он часто говорил, что хотел бы, чтобы она родилась мальчиком, потому что духу в ней хватило бы на то, чтобы стать великим воином. И он вечерами рассказывал нам много историй о Питамакан (Бегущем Орле), деве-воине из племени черноногих, которая стала предводителем военных отрядов и имя которой стало широко известно.

– В ее вигваме в лагере, одетая в аккуратное платье из оленьей кожи, она была самой вежливой и добросердечной женщиной, которую все любили и уважали! – говорил он. – На тропе войны, одетая, как любой воин, она был суровым молчаливым предводителем, и до самой

последней ее битвы, когда она была убита ври атаке на вражеский лагерь, водила отряды с неизменным успехом. Когда бы она не сказала, что хочет отправиться в военный поход, даже самые прославленные воины нашего племени приходили к ней и просили разрешения присоединиться к ее отряду. Почему? Потому что она владела сильной магией! Потому что ее видения всегда показывали ей путь к победе!

И Безумное Перо, вновь рассказав о ней и ее походах, говорил:

– Дочь моя, ты можешь стать великим военным предводителем, если захочешь. Отбрось только одно, и дорога тебе будет открыта. Я говорю о любви. Мужчина может любить и воевать, но женщине приходится выбрать одно из двух.

Как хорошо я запомнил ночь, когда Женщина-Звезда сделала свой выбор! Это была ночь накануне нашего возвращения к форту Бентон. Мы стояли лагерем на реке Шонкин. На земле уже лежал снег, и сильный северо-западный ветер заставлял клапаны вигвама хлопать и гудеть, словно рой пчел – словно очень большой рой. И как же нам было уютно внутри, сидя на мягких лежанках, защищенным от ветра и согреваемым маленьким костром в очаге! Между мною и Не Бегуном сидело несколько навестивших нас мужчин, среди них великий шаман по имени Старое Солнце (Натос Апси), и кроме них в вигваме было несколько женщин – последние собрались у входа вместе с обитательницами нашего вигвама. Безумное Перо рассказывал очередную историю о Бегущем Орле, деве-воине, и все слушали ее с таким интересом, словно прежде не слышали, потому что ярких слов рассказчика и его жестов было более чем достаточно для того, чтобы сделать любую историю интересной.

И, как обычно, доведя свой рассказ до конца, он сказал Женщине-Звезде:

– Дочь моя, ты хорошо знаешь, каково мое большое желание: ты должна сделать свой выбор – выбрать путь воина, и тогда ты сможешь стать такой же великой, какой была Питамакан!

– Ай! Ты наверняка сможешь стать такой, если только твое желание овладеет твоим разумом, – воскликнул Старое Солнце. – Дочь моего друга, которого я знаю всю жизнь, – продолжал старик, подняв руки в умоляющем жесте, и голос которого дрожал от волнения, – сделай свой выбор прямо сейчас! Здесь, перед всеми нами, принеси Солнцу клятву стать его собственностью, его священной принадлежностью. Тогда ты никогда не выйдешь замуж! Тогда ты станешь, как была дева Бегущий Орел, ужасом для наших врагов и добрым и щедрым другом для вдов, сирот, стариков и других беспомощных людей нашего племени!

Женщины у входа затаили дыхание, когда он закончил говорить. Клятва, принесения которой требовал старик от девушки, была страшной. Все мы – мужчины и женщины – уставились на нее и не дышали, ожидая ее ответа. Сразу она его не дала.

Она согнулась на своем месте, нервно сплела руки и наконец произнесла:

– Отец мой! И ты, Старое Солнце, великий шаман! Вы хорошо знаете, что эта великая клятва Солнцу, которую вы требуете, чтобы я принесла – это то, что, сделав однажды, невозможно нарушить! Я могла бы ее принести! Но подумайте сами, я так молода! Я прошу вас дать мне время. Время узнать себя, чтобы быть уверенной в том, что я смогу выдержать этот обет. Мне этого хочется! Я хочу стать женщиной Солнца! Я обещаю вам, что принесу эту клятву, как только буду знать, что смогу ее выдержать!

– Ха! Хорошо сказано! – сказал ей Старое Солнце. – Твой ответ показывает, что мудрости в тебе больше, чем можно было бы ожидать от кого-то твоего возраста. Он показывает, что в тебе есть дух правдивости, мудрости и честности, который так нужен женщине Солнца. Молись о хороших вещих снах. Твой отец, и я тоже, принесем жертвы Солнцу, всем богам, и попросим их помогать тебе на каждом шагу. Я предсказываю, что скоро ты будешь в сила принести эту клятву!

– Мы выкурим еще одну трубку! – сказал Безумное Перо, голос которого дрожал от волнения. – Давайте выкурим ее в честь Солнца с подходящими молитвами!

Он наполнил большую трубку, и Старое Солнце ее зажег, и с первыми несколькими затяжками просил Солнце быть милостивым к Женщине-Звезде; показать ей путь, которым она должна идти, так же, как сделала это Бегущий Орел, гордость и радость племени пикуни, и всех племен черноногих. И, когда трубка пошла по рукам, каждый, кто получал ее и затягивался, просил, чтобы Женщина-Звезда скоро принесла нужную клятву. Скоро трубка была выкурена. Безумное Перо выбил из нее пепел и сказал нам «Кай». Мы разошлись.

Этим вечером, прежде чем догорели последние костры, во всех вигвамах стало известно о том, что Женщина-Звезда намерена посвятить себя Солнцу. Многие молодые воины с тоской восприняли эту новость. До последнего времени самые лучший и самые храбрые из них были желанными гостями в вигваме Безумного Пера. Теперь они не могли приходить туда, чтобы предстать в своих лучших нарядах перед глазами юной девушки и показать ей свое благородство!

Идя в наш вигвам вместе с Не Бегуном, я чувствовал себя подавленным тем, что произошло в вигваме Безумного Пера. Не то, чтобы я был в нее влюблен. Скорее, я понимал, что, еще до того, как мы вернемся в Сент-Луис, моя подруга станет монахиней.

На языке черноногих и на французском мы обсудили эту новость, как только уселись на лежанках в нашем вигваме. Услышав ее, Анри и Антуан пожали плечами, и Антуан спокойно сказал:

– Ну что же, если твоя сестра хочет стать девой Солнца, то это ее дело, не наше.

Мой отец сказал:

– В одном язычники и христиане схожи: они готовы подвергать бесконечным мучениям свой ум и свое тело, чтобы приблизиться к тому, что считают совершенством!

– Бедная маленькая сестренка! Мне так ее жаль! Она упустит величайшую радость для женщины – счастье быть хорошей женой! – сказала Женщина-Орел.

Женщина-Рябчик ничего не сказала. Новость эта так поразила ее, что она, не прекращая плакать, легла спать, и я слышал ее вздохи и всхлипы еще долго после того, как погас огонь в очаге.

Глава

IV

Подводные Люди

По возвращении в форт Бентон мы отдали свои меха на сохранение владельцу отеля «Оверленд», а потом оставались в лагере неделю или больше, пока индейцы меняли свои меха на нужные им товары.

Анри и Антуан, как и мой отец, будучи свободными трапперами и торговцами, в форте были нежеланными гостями. Со времени своего основания в 1822 году Американская Меха-торговая компания практически монополизировала всю торговлю мехами и их добычу в верховьях Миссури, и яростно сопротивлялась всяким попыткам конкурировать с ней. Я сам за время этой остановки посетил форт всего раз – я пошел туда ради того, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Его массивные глинобитные стены были увенчаны двумя двухэтажными бастиями, на каждом из которых стояло две пушки. Большие ворота были такими же крепкими, как и стены, и внутри этих ворот была сделана еще одна маленькая дверь, через которую, если ожидалась неприятности, несколько индейцев зараз проходили, чтобы торговать, и только при условии, что свое оружие они оставят снаружи.

Пикунни, как я узнал, полагались племенем, наиболее дружественным по отношению к компании; разные ее агенты и работники почти все нашли жен в этом племени. Другие племена черноногих – собственно черноногие, Кровь и гро-вантры, были настроены не столь дружелюбно, и однажды, подстрекаемые компанией Гудзонова Залива, попытались захватить форт и уничтожить его обитателей. Вороны тоже как-то, узнав, что их могучие враги, пикунни, находятся далеко на севере, осадили его и поклялись умерить голодом всех белых, которые снабжают ружьями их врагов. На четвертый день осады чиновник компании, майор Гильбертсон, приказал навести пушку на их лагерь и выстрелить.

Когда прогрохотало орудие и заряд картечи обрушился на вигвамы, по счастливой случайности не задев никого из людей, результат был тот, на который можно было надеяться; Вороны сняли лагерь и убежали на юг так быстро и в таком страхе, что оставили там множество своих вещей!

Попытка черноногих, однако, едва не стала удачной. Было спланировано, что воины войдут в форт, по несколько человек зараз, с оружием, спрятанным под одеждой, а потом по сигналу нападут на белых. Случилось так, что молодой воин из племени Кровь закрутил любовь с одной из обитательниц форта. Боясь, что она может стать жертвой резни, он однажды ночью подзвал ее к воротам, сказал, что происходит, и умолял ее выйти и бежать с ним. Похоже, он заблуждался по поводу того, какие чувства испытывает к нему женщина: она любила своего белого мужа и немедленно побежала к нему, чтобы рассказать о том, что узнала. На следующее утро агент пригласил в форт вождей северных племен и сказал им, что знает об их планах убить его и его людей и уничтожить форт, поэтому теперь каждого индейца, который захочет войти в форт, буду в воротах обыскивать на предмет оружия, и что пушка на бастиие постоянно будет наготове и направлена на их лагерь. Вожди были очень расстроены тем, что их план был раскрыт, и винили во всем агента компании Гудзонова Залива, и просили прощения. Оно после некоторых разговоров было получено, и результатом стало то, что теперь каждый сезон форт вел большую торговлю с северными племенами.

Настоящая зима настала вскоре после того, как мы встали лагерем на Солнечной реке, или, как называли ее черноногие, Кок-сис-страк-уие-так-тай (река верхушек скал). Наш вигвам стоял под прикрытием густой рощи хлопковых деревьев, чуть ниже того места на равнине, где позднее был построен форт Шоу. Здесь у нас было достаточно дров на всю долгую зиму; вокруг лагеря и дальше на равнине были хорошие пастбища для лошадей; разнообразная дичь была

многочисленной; по берегам реки было много бобровых хаток. Наши вожди решили, что для зимовки это идеальное место.

Когда поблизости вдоль реки бобры были выловлены, Анри, Антуан, их женщины, мой отец, я и Не Бегун перенесли свой вигвам и свои вещи вверх по долине, ближе к подножию гор. Дальше мы пройти не могли, потому что снег для лошадей был слишком глубоким. Но некоторое время спустя Анри и Антуан прошли на снегоступах на день пути дальше вверх по реке и там устроили свой лагерь, и количество мехов, которые мы добыли там и на нашем месте в течение следующих трех месяцев, было просто удивительным.

Когда настал март, и мы прекратили ставить капканы и отправились вниз, к лагерю пикуни, у нас было не менее четырех сотен бобровых шкур, сорок четыре выдровых, и около двух сотен шкурок пекана, куницы и норки. Эта добыча, вместе с той, что мы оставили в форте Бентон, по прикидке моего отца должна была стоить семь тысяч долларов.

У нас не хватало лошадей, чтобы погрузить на них всю зимнюю добычу, но Безумное Перо одолжил нам нескольких своих животных, так что стало возможным переправить всю добычу в форт Бентон за одну поездку. Вместе с пикуни мы оказались там 15 марта.

Весна была очень ранней. Ледоход на реке начался еще 5 марта, и несколько свободных трапперов уже отправились в Сент-Луис на своих лодках, нагруженных мехом. Мы оказались в форте Бентон как раз вовремя, чтобы отец смог нанять для перевозки себя и нашей добычи большую килевую лодку, которую работники построили за эту зиму. Несколько других трапперов поступили со своими мехами так же, и, когда все они были погружены, получилась такая куча ценного меха, что это вызвало приступ тоски у агента Американской Мехоторговой компании! Два дня, предшествовавших отправлению лодки, он постоянно присутствовал при погрузке, описывая по-английски и по-французски опасности неверной реки, враждебных индейцев на ее берегах, а потом предложил купить меха - разумеется, по оскорбительно низкой цене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.